

СМЕХ И ТЕЛО

Связав в одном из своих определений человека смех и его биологическую природу, Аристотель заложил длительную традицию комплексного рассмотрения этих трех феноменов в философской антропологии и культурологии. Например, Й.Хейзинга считал, что данное определение – *animal ridens* (т.е. смеющееся животное) –удачнее выражает суть человека, чем *Homo sapiens* (10, с. 15). По мнению же американского психолога М.Гротджана, улыбка является единственно человеческим в новорожденном младенце (11, с. 67–68). В рамках вышеуказанной триады смех может рассматриваться как с позиций проявления в индивидуальной телесности, так и как феномен культурного тела.

Природность смеха выражает, с одной стороны, его проявление через определенные действия самого организма (мимический и фонетический компоненты), как-то определенными мускульными сокращениями лица и соответствующими им ритмическими звуковыми колебаниями. Смех четко фиксируется физиогномически, что и закрепляется позднее в комических масках и других пространственных культурных продуктах. С другой стороны, современные исследования происхождения смеха позволяют оценить парадигмальную для различных теорий смеха позицию об исключительно человеческой природе данного феномена как достаточно преувеличенной. Мы уже ранее отмечали (6, с. 3–4), что для высших животных характерны некоторые этологические и телесные аналогии смеховой деятельности. Например, одна из двух гримас шимпанзе, сопровождаемых оскалом зубов, скорее всего является филогенетической предшественницей смеха, поскольку внешне очень напоминает детский смех и легко вызывается щекоткой. Функционально эта гримаса сопровождает игровые, ненастоящие поединки шимпанзе (12, с.133). Крысы, как было недавно открыто, играя друг с другом, много и сильно «смеются». Они издают ультразвуковой свист, подобный хихиканью и недоступный нашему слуху, поскольку он находится вне диапазона нашего восприятия. Крысиный «смех» возникает в результате осознания неопасного для их существования, игрового характера действия, направленного против них (например, щекотки) (8, с. 8). Позиция «сверху-вниз», характеризующая смех, присутствует в поведении животных, не знающих смеха, например, собак, в виде таких его аналогов, как помечивание территории непосредственно поверх меток другого, как бы с целью занижения претензии предшественника. То есть все эти животные подобным поведением соответствуют распространенному среди психологов пониманию смеха как сублимации агрессивных тенденций, не находящих прямого выхода и имеющих разную степень интенсивности, от беззлобного пренебрежения до скрываемой угрозы. Однако человеческий смех отличается от «смеха-зародыша» у животных жестким различием мира серьезного и мира смешного и наличием смехового самосознания (недаром так ценятся в обществе обладатели последнего, ярко выраженного в так называемом «чувстве юмора»).

Таким образом, смех можно рассматривать как непровольную психофизиологическую реакцию на внешнее по отношению к Я «смешное». Нарушение границы требует ответа в соответствии с действием принципа «стимул – реакция». Неподвластность смеха человеческому контролю проявляется в том, что мы смеемся не потому, что нам надо смеяться, а вследствие того, что нам просто смешно. Одним из явных подобных вторжений, требующих защитной реакции в виде смеха, является щекотка. Также внезапное нарушение упорядоченного сосуществования Я и окружающего мира часто может произойти от неожиданного жеста или какой-нибудь возникшей ассоциативной связи, что и вызывает «ответ» в форме смеха. О подобной реакции говорит, например, Жевакин в «Женитьбе» Н.В.Гоголя: «У нас в эскадре капитана Болдырева был мичман Петухов, Антон Иванович; тоже этак был веселого нрава. Бывало, ему ничего больше, покажешь этак один палец – вдруг засмеется, ей-богу, и до самого вечера смеется. Ну, глядя на него, бывало, и себе делается смешно, и

смотришь, наконец, и сам точно этак смеешься» (4, с. 131–132). Повторение подобных стимулов вызывает закрепление смеховой реакции организма на них.

Источник смеха – комическое несоответствие формы протекания события или выражения ожидаемому. Так, комизм положений часто вытекает не столько из нелепости поступков действующих лиц, сколько из той нарочитой серьезности, с которой о них сообщается. При этом для смешной ситуации, ведущей к соответствующей реакции, характерна игра с телом, которое, начиная с Аристотеля рассматривается как совершенная (законченная) величина, определяемая своими границами. Например, клоун в роли своеобразного «методолога» поднимается над серьезностью действий других цирковых артистов (акробатов, жонглеров и т.п.) и представляет зрителям неординарность и выпадение из обыденной повседневности. В анекдотах обыгрывается и «снимается» в результате сталкивания соматических моментов серьезность ситуации. Хорошей иллюстрацией вышесказанного является французский анекдот о генерале де Голле, отличавшемся очень своеобразной внешностью. Де Голль посещает музей д'Орсэ, где выставлены полотна знаменитых импрессионистов и постимпрессионистов. В первом зале он смотрит на картину и произносит: «О, Ренуар!» «Мой генерал, это – Сезанн», исправляет его сопровождающее лицо. «О, Ван Гог!», говорит де Голль в следующем зале. «Нет, мой генерал, это – Гоген», опять замечают ему. Наконец, де Голль долго всматривается и заявляет: «Теперь я не могу ошибиться, это – Пикассо». «О нет, мой генерал, это – зеркало». Для восприятия представленной в данном анекдоте ситуации как смешной, естественно, что слушатель должен знать, что из себя представляет творчество Пикассо и внешность де Голля. Ситуация выглядит смешной, поскольку она сопровождается внезапным обнаружением того, что объект не соответствует «чувству должного», представлению о его нормальном состоянии (9, с.141–153). Вполне допустимо, что сам герой анекдота, обладавший чувством юмора и постоянно обыгрывавший особенности своей внешности, выступил автором этой шутки и способствовал ее распространению. Ведь веселая шутка (зачастую не сопровождаемая «смеховой гримасой», но рассчитывающая на смеховой ответ), вносимая неожиданно в серьезное событие или повествование, является свидетельством оптимистического отношения к окружающему миру.

В отличие от мира серьезного, где не все допустимо, смех вызывается внезапным переносом одной матрицы мышления или поведения и несправляемостью интеллекта с этой внезапностью, он выступает как «демобилизация» (своеобразное разрешение) организма на его биохимическом уровне. Бергсоновское понимание смеха как следствие косности, машинообразности живого, противоречащей сущности жизни может служить объяснением, почему неожиданные ассоциации возникают при обнаружении сходства внешности или особенностей поведения человека с механическим. В юмористической литературе подобные метафоры как средство вызвать смех успешно и довольно часто используются. Так, Ч.Диккенс описывает одного своего персонажа следующим образом: «Он часто говаривал, что, хотя его лицо нельзя назвать красивым в строгом смысле слова, оно, однако, поражает своей оригинальностью. И он был совершенно прав. При взгляде на него невольно вспоминался круглый дверной молоток, полулев-полуобезьяна, причем это сравнение можно было распространить и на его характер и на стиль его разговора. Мистер Колтон топтался на месте, пока все остальное двигалось вперед. Он ни разу в жизни не придумал новой темы для беседы и не высказал самостоятельной мысли; но если речь шла о чем-нибудь давно известном или, продолжая сравнение, если кто-нибудь его *дергал*, он начинал барабанить с необычайной быстротой. Порой у него бывал приступ нервного тика, и это, можно сказать его приглушало, потому что в таких случаях он производил вдвое меньше шума, чем обычно, когда надоедливо твердил – тук-тук-тук – одно и то же» (5, с.364–365).

Смех зачастую вызывается встречей с неожиданным проявлением телесности. Недаром Аристотель предложил в первой книге своего сочинения «Поэтика» следующее определение смеха: «Смешное есть некоторая ошибка и уродство, но безболезненное и безвредное» (2, с.650). То есть смех связан с безобразием, не приносящим человеку никакого страдания. Но во многом такая встреча и реакция на нее определяется разными

социо-культурными и историческими особенностями. Так, в барочной культуре присутствовал институт шутов, в качестве которых зачастую выступали карлики или люди с физическими уродствами или недостатками. Для настоящего же времени все то, что уродует человека, но от него и его воли не зависит, физические недостатки людей уже не смешны, а скорее вызывают другие чувства.

Смех не является ценностно нейтральным и обнаруживает себя в игровой стихии культуры. Классические исследования ценностно-мировоззренческих моментов смеха в культурном пространстве проведены в работах М.М.Бахтина (3), Д.С.Лихачева и А.И.Панченко (7). Их работы касаются одной из исторических модификаций смеха в ее отношении к серьезности сакрализованной культуры. Этот смех выражает карнавальное мироощущение, выражаемое в торжестве материально-телесной природы человека скорее не индивидуального, а как «большого родового народного тела» (3, с.102). Универсальность и свобода, реализуемые в таком смехе, являют собой размыкание границ «аристотелевского тела». Смех давал возможность человеку, выпадающему из своего бытия, вновь как бы укорениться в нем (смех от отчаяния, «черный юмор» и т.п.). Смех дистанцирует человека от мира серьезного и в результате восстанавливает отношение «человек–мир». Отказ же от табуированного и сакральной серьезности приводит к растаиванию смеха в серости вседозволенности и фривольности (подробнее см.: 1).

1. Аверинцев С.С. О духе времени и чувстве юмора // Новый мир. – 2000. – № 4. – С. 137–140.
2. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Сочинения. – Т. 4. – М., 1983.
3. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М., 1990.
4. Гоголь Н.В. Женидьба // Собр. соч. – Т. 4. – М., 1949.
5. Диккенс Ч. Очерки Боза // Диккенс Ч. Собр. соч. – Т. 1.- М., 1957.
6. Левченко В. Л. Метафизика смеха // О природе смеха: материалы круглого стола. – Одесса, 2000.
7. Лихачев Д.С., Панченко А.М. «Смеховой мир» Древней Руси. – Л., 1976.
8. Марголин А. И крысы хихикают. Наука о смеховых таблетках // Известия, 6 декабря 2000 г.
9. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. – М., 1976.
10. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. – М., 1992.
11. Grotjahn M. Beyond Laughter. Humor and the Subconscious. – N.Y., Toronto, London, 1966.
12. Van Hooff J. A Comparative Approach to the Phylogeny of Laughter and Smiling // Play. Its Role in Development and Evolution. Ed. by J.Bruner, A.Jolly, K.Sylva. – N.Y., 1976.